

М.Н. Сербул

Самозванец

Персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», беглый монах Григорий Отрепьев из Чудова монастыря, выдающий себя за убитого царевича Димитрия. Игумен Чудова монастыря после бегства Григория сообщает патриарху о нем следующие сведения: «Из рода Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым...» Пушкин включил в трагедию описание его внешности (царский указ о поимке беглого монаха): «А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая».

Самозванец — порождение Смутного времени с его политическими авантюрами, немислимыми взлетами и головокружительными падениями. Как личность яркая и одаренная, он верит в свои возможности и возможности времени. Беспринципность Самозванца, возведенная в жизненный принцип, определяет ведущую черту его характера — авантюризм.

В отличие от Бориса Годунова, показанного по преимуществу в раздумьях и беседах, Самозванец весь в движении, переменах, приключениях. Внешним и внутренним трансформациям Самозванца соответствует целая вереница имен, которыми его наделяет автор. Григорием он именуется в Чудовом монастыре и корчме на литовской границе (здесь он — Григорий Отрепьев). В краковском доме Вишневецкого он предстает в новом обличье, здесь имя ему — Самозванец. Но автор на этом не останавливается: Самозванец будет назван Димитрием в сцене битвы близ Новгорода-Северского, когда на вершине государственного великодушия герой провозгласит: «Ударить отбой! Мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!» На краткий миг Самозванец станет Димитрием-царевичем в гордом ответе Марине Мнишек (сцена ночного свидания у фонтана):

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я.

Гришкой называет Пушкин Самозванца в ремарке, когда лакействующий поэт схватил его за полу, преподнося оду (сцена в доме Вишневецкого). И, наконец, в последней сцене, где появляется Самозванец («Лес»), он — Лжедимитрий.

Пушкин не показал въезд Самозванца в Москву. Герой уходит со сцены после катастрофического разгрома, который отнюдь не ввергает его в отчаянье. Самозванца несет на гребне событий: «Все за меня: и люди и судьба». И далее главным фактором в победе его войск оказывается не сам Самозванец (его успехи и военные ресурсы в трагедии весьма скромны), а его имя, под знаменем которого сплачивается народ против царевубийцы Бориса.

Но Григорий Отрепьев — лжецарь, Лжедимитрий, в своем стремлении к московскому престолу так же, как и Борис Годунов, переступивший через кровь невинных жертв. Потому «проклятый сон», под знаком которого Самозванец входит в мир пушкинской трагедии, с самого начала накладывает на него некий трагический отсвет, намекая на будущий бесславный конец Самозванца:

Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...

Не случайно этот сон снится Григорию три раза, и молодой монах расценивает его как «бесовское наваждение».

Самозванец столь же неоднозначен и незауряден, как и Борис Годунов. В корчме на литовской границе он обнаруживает дерзость и смелость, умение принимать мгновенные решения. Читая указ с поимке беглого монаха, Самозванец ловко подменяет свои приметы при метами бродяги-чернеца Мисаила, а когда обман раскрывается, столь же ловко ускользает из рук растерявшейся стражи, предварительно искусно выведав у хозяйки дорогу через границу.

В доме Вишневецкого, где Самозванец обольщает своих будущих сторонников, проявляется гибкость его ума и незаурядный талант дипломата. Он каждому обещает то, что тот ждет от него — иезуиту Черниковскому обещание подчинить Русь Ватикану, беглым казакам сулит вольность, опальным слугам Бориса — возмездие. С молодым прямым Курбским, искренно любящим свою отчизну, Самозванец говорит высоким приподнятым слогом, как избранник судьбы:

...приблизься, Курбский. Руку!
— Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...

Вступая в разговор с «вольным шляхтичем», наемником Собаньским, он сразу находит с ним общий язык, жалуя ему вперед «треть жалованья».

В натуре Самозванца есть что-то от поэта. Ему принадлежит проникновенное признание:

...И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг...

Выступая в роли царевича и в какие-то моменты даже сам веря, что он «сын Иоанна», Самозванец тем не менее способен на неожиданный поступок. Проиграв сражение, он оплакивает коня; «разбитый в прах, спасаясь побегом, Беспечен он, как глупое дитя». Безрассуден он и в любви, которую не желает делить с «мертвецом». Эта способность полно и безраздельно отдаваться чувству делает Самозванца привлекательным в его бесстрашии. Особенно ярко эти свойства натуры Самозванца обнаруживаются в сравнении с холодной, рассудочной и расчетливой Мариной Мнишек, к которой устремлена его любовь. Димитрий признается ей в своем самозванстве, так как, безмерно любя Марину, не желает довольствоваться ложью:

Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.

Но Марина не нуждается в любви «беглого монаха», все ее помыслы направлены к московскому трону. Оценив «дерзость обмана» Самозванца, она оскорбляет его до тех пор, пока в нем не просыпается чувство собственного достоинства, и он дает ей гордую отповедь, называя себя Димитрием. Марина Мнишек столь же незаурядна, как и Самозванец. Но как личность она, пожалуй, оказывается более сильной и волевой, хотя бы потому, что она не подвластна чувству любви. Она, по определению одного из гостей воеводы Мнишека, — «мраморная нимфа: Глаза, уста без жизни, без улыбки...» Надменность и гордость — вот те черты, которые отмечает в ней влюбленный

Самозванец. Вместе с тем Марина и Самозванец — герои одного плана: оба они авантюристы, оба стремятся к власти и оба неразборчивы в средствах для достижения своих целей. Марина готова вернуть Самозванцу свою благосклонность («безумный твой порыв я забываю / И вижу вновь Димитрия...»), но тут же ставит условие:

...слышит Бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

Потрясенный объяснением с Мариной, Самозванец сравнивает ее со змеей, что «путает, и вьется, и ползет. Скользит из рук, шипит грозит и жалит».

Несмотря на беспринципность, Самозванец способен испытать муки нечистой совести. Приближаясь с войском к литовской границе, Самозванец завидует Курбскому, готовому сражаться за правое дело: «Как счастлив он! как чистая душа / В нем радостью и славой разыгралась». Сам же Самозванец «едет тихо с поникшей головой». Его терзает мысль, что должна пролиться русская кровь, что он врагов «позвал на Русь» и ведет их «заветной дорогой» «в красную Москву». Но Самозванец находит способ себя оправдать, лицемеря перед Курбским и самим собой: «Но пусть мой грех падет не на меня — А на тебя, Борис-цареубийца!»

Разные грани характера Самозванца обнаруживаются и в отзывах о нем других действующих лиц. «Бунтовщиком», «расстригой», «наглым самозванцем», «безумцем» называет Григория Отрепьева Борис Годунов. «Смелый плут, бесстыдный самозванец», — говорит о нем Афанасий Пушкин, сообщая Шуйскому новость о появлении царевича. И в ответ на вопрос Шуйского: «Что ж говорят об этом удалце?» — дает уже более лестную характеристику:

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Дама в замке Мнишека отмечает, глядя на Самозванца: «Он не красив, но вид его приятен, / И царская порода в нем видна». Пленник (сцена «Севск») на вопрос Самозванца: «обо мне как судят в вашем стане?» — отвечает: «А говорят о милости твоей, что ты, дескать (будь не во гнев), и вор, а молодец».